

Фу Цин сказал:

— Но, ученик, я не подготовил нефритовую табличку для Ледяного Удела.

Да и к тому же, даже если бы я их подготовил, много ли нашлось бы желающих вступить в Ледяной Удел? Какой юный гений согласится сидеть в таком холодном, ледяном месте, присматривая за холодным, как лёд, наставником... О, нет, вон один внизу стоит, да ещё и с высшим духовным корнем.

Фу Цин всё ещё ничего не понимал, но почтительно спросил:

— Осмелюсь спросить, как Небожитель желает набирать учеников?

Инь Линцзюнь ответил кратко и ясно:

— Бой.

— ... А? — Фу Цин опешил.

Не успел он закончить своё «а?», как вдруг увидел, что запястье Инь Линцзюня шевельнулось, и под тёмным рукавом начала постепенно собираться бледная, призрачная белизна, сформировавшись в длинный меч, упирающийся в пол. Клинок был белоснежным, а рукоять покрывала искусная резьба, на которой, казалось, было вырезано два иероглифа малой печатью.

В тот миг, когда появился этот меч, не только Фу Цин остолбенел, но и остальные три старейшины — ведь они никогда не видели, чтобы Инь Линцзюнь использовал какое-либо оружие, не говоря уже об этом мече. Неужели... у Небожителя Тёмной Чешуи было оружие? Но вот этот меч кажется каким-то знакомым.

Они бормотали себе под нос на ступенях, а внизу, у каменной лестницы, рука Шэнь Чжи, висевшая вдоль одежды, уже сжалась в кулак. Он поднял голову, глядя на сверкающий всеми цветами радуги длинный меч в руке Инь Линцзюня, и в его взгляде невольно проступила свирепость.

Знакомый... Ха, как же он мог быть не знакомым? Это же был его меч! Его «Многочувственный»!

Он ещё не успел подумать о том, как «Многочувственный» оказался в руках Инь Линцзюня, как услышал его чистый и холодный голос:

— Тот, кто сможет продержаться против меня с этой вещью три приёма, станет моим

учеником.

\* \* \*

Воспоминания о Наставнике:

Всем привет, это FM 1314. Один ученик Шэнь заказал для своего учителя песню «Семисекундная память»~

Меч Многочувственный.

Этот Инь Линцзюнь...

Осмелился назвать редчайший духовный меч высшего качества, появляющийся раз в столетие, «этой вещью»...

Шэнь Чжи нахмурился, собираясь сделать шаг вперёд, но увидел, что его кто-то опередил и уже поднялся на каменные ступени.

— Небожитель Тёмной Чешуи, я хочу попробовать.

Шэнь Чжи раздражённо поднял глаза, и выражение его лица стало ещё холоднее.

Что этот молокосос Цзо Сянь лезет не в своё дело?

Его мечеподобные брови были острыми и суровыми. Он посмотрел на спину Цзо Сяня, затем перевёл взгляд на Инь Линцзюня. Смотрел неизвестно сколько, но внезапно то возбуждение в его сердце улеглось.

Раз «Многочувственный» у Инь Линцзюня, то не связана ли его смерть десять лет назад как-то с Инь Линцзюнем? А теперь, когда Инь Линцзюнь вдруг решил набрать учеников, да ещё и таким способом, не пытается ли он выманить его, обнаружив, что он переродился?

Подумав об этом, он внезапно обрадовался. Хорошо, что этот дурак Цзо Сянь выскочил вперёд, иначе он сам попал бы в ловушку.

Не торопись. Даже если в Ледяной Удел попасть не удастся, у него есть способ сделать так, чтобы Инь Линцзюню пришлось несладко.

Шэнь Чжи приподнял бровь и отступил назад, стараясь держаться как можно дальше от каменных ступеней.

Цзо Сянь, конечно же, не знал, что внизу нашёлся человек, назвавший его «дураком». Он всё ещё с надеждой ждал, когда Инь Линцзюнь даст ему меч.

Но, увы, Небожитель Тёмной Чешуи, казалось, был рождён, чтобы разочаровывать людей. Он не спеша моргнул своими бледными глазами, словно совершенно не замечая ожиданий Цзо Сяня, и не понимая, почему, установив столь низкую планку требований, к нему подошёл только один человек.

Подавив недоумение, он произнёс крайне безучастным тоном:

— Ты не годишься. — Не дожидаясь возмущения Цзо Сяня, он методично добавил: — В «Трактате об Основах Совершенствования» сказано: «Обладатель среднего духовного корня, не достигший стадии Закладывания Основы, не способен управлять духовным инструментом высшего качества».

Услышав это, Цзо Сянь мгновенно умолк. Ему оставалось лишь, негодуя поворачившись, сойти с помоста, ворча на ходу:

— Ну, я-то со средним духовным корнем, мне и так нельзя... Выходит, в Ледяной Удел могут только с высшим корнем? Что за дурацкое правило.

А Шэнь Чжи внутренне встревожился. У духовного инструмента высшего класса сила была огромна; действительно, до Закладывания Основы только обладатель высшего духовного корня мог избежать обратного удара его мощной духовной энергии. Но в этом году в Четырёхпейзажной школе только у него был высший духовный корень. Этот Инь Линцзюнь определённо ищет его!

Вернувшись в гостиницу вчера вечером, он специально сходил на рынок, купить книжонки о себе. Помимо всяких непристойностей, в них упоминались и его распри с Четырёхпейзажной школой.

Короче говоря, он украл величайшее сокровище школы, ранил несколько тысяч её учеников и самого Инь Линцзюня, пришедшего с ним покататься. Но, к его большому недоумению, в книжонках говорилось, что украл он эту вещь, чтобы спасти любимую женщину.

Была у него любимая женщина? Кто? Как её звали? Что с ней стало потом?

В книжонках этого не было написано.

Вероятно, тот, кто это сочинял, тоже не знал.

Шэнь Чжи мгновенно вскипел от ярости. Выдумали столь слащавую историю про их с Инь Линцзюнем несуществующую привязанность, а когда дело дошло до правды — всё затуманили.

Если бы он не знал, что характер Инь Линцзюня от природы надменный и холодный, он бы уже заподозрил, что это сам Наставник из-за неразделённой любви нанял кого-то написать эту чушь!

В этот момент у ворот школы стояла мёртвая тишина. Инь Линцзюнь холодным взглядом обводил вереницу юных лиц у подножия каменных ступеней.

Фу Цин украдкой покосился на Шэнь Чжи. Увидев, что тот тоже опустил голову и не выказывает ни малейшего желания попробовать, он удивился. Разве этот человек только что не клялся, что пойдёт только в Ледяной Удел? Неужели... струсил? Но среди них только у него высший корень, от этого не уйти.

И действительно, Небожитель Тёмной Чешуи, взирая на всех свысока, изящно поднял свой бледный, long тонкий палец, указывая на Шэнь Чжи, стоящего в стороне от толпы, и ледяным тоном произнёс:

— Ты, иди сюда.

Взгляды всех тут же устремились на Шэнь Чжи. С момента своего перерождения Шэнь Чжи ещё не оказывался под прицелом такого количества глаз. Он стиснул зубы, чувства его были сложны, но в голове уже крутились мысли: что делать, если его узнают, и сможет ли он сбежать?

Фу Цин, видя, что он не двигается, решил, что тот не расслышал. Он подошёл и похлопал его по плечу, говоря:

— Господин Шэнь Лан, Небожитель зовёт вас.

Шэнь Чжи по-прежнему не сдвинулся с места, лишь поднял совершенно невинное лицо и, сложив руки в почтительном жесте, улыбнулся:

— Благодарю Небожителя за оказанную честь. Но пусть Небожитель выберет кого-нибудь другого. Я хочу поступить в Горный Удел.

Фу Цин: «...» Не прошло и четверти часа, как этот человек рвался в Ледяной Удел, чуть ли не умирая?

Инь Линцзюнь опустил руку с мечом вдоль тела и спокойно смотрел на него. Шэнь Чжи же на него не смотрел: в глазах его наставника всё равно никогда не было ни единой эмоции, смотреть на них — только время тратить.

Инь Линцзюнь долго молчал, но стоявший рядом старейшина Цинши не выдержал. У этого старейшины было от природы свирепое лицо, и, ведая исключительно мужским Горным

Уделом, он считался самым страшным среди нескольких старейшин Четырёхпейзажной школы. Он сделал шаг вперёд и, глядя на Шэнь Чжи, спросил:

— Ты сказал, что хочешь вступить в Горный Удел?

Шэнь Чжи ответил:

— Да.

Старейшина Цинши сказал:

— Неважно, в какую ты ветвь вступишь, ты всё равно будешь учеником Четырёхпейзажной школы и должен соблюдать её правила. Раз Небожитель велит тебе подойти, ты подходи. Если боишься, не надо искать других причин, скажи прямо, что не смеешь. Небожитель, надо полагать, не осудит тебя. Но если ты не осмелишься даже попробовать, моему Горному Уделу такой ученик не нужен.

Шэнь Чжи молча выслушал, затем изогнул губы в усмешке, кивнул:

— Я понял. — Неважно, десять лет назад или десять лет спустя, эти люди из Четырёхпейзажной школы всегда защищают Инь Линцзюня как зеницу ока. Поделом ему, что остался один, преданный всеми.

Он выступил из толпы, прошёл через школьные ворота, подошёл к каменным ступеням и лениво произнёс:

— Небожитель Тёмной Чешуи, прошу наставить.

Взгляд Инь Линцзюня дрогнул. О чём он думал, было неизвестно. Помедлив мгновение, он протянул ему меч.

Шэнь Чжи взял меч обеими руками, его пальцы мягко скользнули по узору на рукояти.

Эта аура, несомненно, «Многочувственный».

Он ещё не успел насладиться ощущением, как внезапно раздался холодный голос Инь Линцзюня:

— Если не выдержишь, скажи мне.

Как только прозвучали эти слова, Шэнь Чжи почувствовал, как на него надвигается мощный

порыв ветра. Сила ветра была такова, что у него, подавившего свою культивацию, едва не отнялись руки. Но он знал, что это была уже ослабленная атака Инь Линцзюня; если он не выдержит и этого удара, будет слишком стыдно. Поэтому он, сжимая меч горизонтально, даже не уклонившись, принял этот удар.

Миг спустя, когда порыв ветра рассеялся, он уже чувствовал во рту металлический привкус крови, но проглотил его силой.

Он подумал, что хватит. Обычный ученик, не заложивший Основу, и одного такого удара не выдержал бы. Теперь ему нельзя вызывать подозрений, поэтому, когда Инь Линцзюнь нанесёт следующий удар, он сделает вид, что сопротивляется, а затем с чистой совестью выплюнет кровь.

Приняв решение, он выпрямился, готовясь ко второму приёму, но, подняв глаза, внезапно остолбенел.

Инь Линцзюнь неизвестно когда спустился с каменных ступеней и стоял прямо перед ним. Тёмные ризы бессмертного делали его кожу ещё более белоснежной, почти прозрачной. Шэнь Чжи невольно уставился на его глаза, всегда полные отчуждённости.

В этот момент Инь Линцзюнь сказал:

— Я передумал. Отдай её мне.

«.....»

— ... А?

Сколько бы вариантов его возможных слов Шэнь Чжи ни предполагал, сейчас он всё равно опешил. В его сохранившейся памяти образ Инь Линцзюня ограничивался лишь той безжалостной спиной, и сейчас он внезапно обнаружил, что Наставник отличается от его представлений. По крайней мере, последняя фраза совсем не походила на то, что должен говорить старейшина школы; звучало слишком по-детски.

— Отдай эту вещь мне и иди в Горный Удел. — Инь Линцзюнь, с холодным лицом, сказал снова.

Шэнь Чжи хотел рассмеяться, но из-за того, что только что принял удар в лоб, повредив лёгкие и сердце, едва открыв рот, закашлялся. Он кашлял до тех пор, пока лицо его не покраснело, а глаза не налились кровью. Только тогда он поднял голову и хрипло спросил:

— Небожитель... отказывается от меня?

Инь Линцзюнь безучастно ответил:

— Да.

Шэнь Чжи, притворяясь заинтересованным, спросил:

— Почему вдруг передумал?

— Потому что, — Инь Линцзюнь запнулся, — ты не любишь Ледяной Удел и не любишь меня.

Шэнь Чжи опешил. Первой мыслью, мелькнувшей в голове, была: «Ну, Ледяной Удел не любить — ладно, но надо ещё и тебя любить? Ха, Небожитель, ты слишком многого требуешь».

Но, посетовав про себя, на виду у всех ему всё равно пришлось изобразить разочарование и с сожалением вернуть Инь Линцзюню «Многочувственный».

Шэнь Чжи думал, что ещё никогда не был так похож на подхалима, как в этот момент.

К счастью, подошёл Фу Цин и почтительно спросил у Инь Линцзюня:

— Небожитель, в этом году только один с высшим корнем. Вы всё ещё будете набирать учеников?

Инь Линцзюнь опустил ресницы. Меч в его ладони понемногу превращался в белые светящиеся точки и исчезал. Он повернулся и ещё раз взглянул на юношу у школьных ворот:

— Нет.

Инь Линцзюнь развернулся и ушёл.

На мгновение у ворот школы воцарилась тишина.

Шэнь Чжи, скрестив руки, усмехнулся и собрался было вернуться на своё место, как вдруг услышал за спиной голос Фу Цина:

— Господин Шэнь Лан, подождите.

Услышав это выдуманное им самим дурацкое имя, Шэнь Чжи невольно нахмурился, но, обернувшись, его лицо по-прежнему было спокойным:

— Что-то случилось?

— Раз вы уже прошли через школьные ворота, то сначала пройдите испытание Зеркалом Добра и Зла. — Фу Цин снова приобрёл вид учтивого и мягкого человека. Взмахом рукава он указал ему направление: — Если в Горный Удел, пожалуйста,йдите к старейшине Цинши.

Бесчувственный

«...» Шэнь Чжи, прищурившись, посмотрел на стоящего на каменных ступенях старейшину Цинши, чьё лицо по-прежнему было непроницаемым, как гробовая доска. Медленно протянув «хорошо», он думал про себя: из-за того, что его так отвлёк Инь Линцзюнь, он совсем забыл о Зеркале Добра и Зла.

Фу Цин, естественно, не знал, о чём тот думает. Следуя правилам, он провёл его к старейшине Цинши. Старейшина Цинши по-прежнему не выказывал дружелюбия, лишь слегка приподнял подбородок, жестом предлагая ему положить руку на Зеркало Добра и Зла. Шэнь Чжи лениво развернул ладонь и, с виду спокойно, накрыл ею обратную сторону зеркала. Однако никто не мог ожидать, что в тот самый миг, когда он прикоснулся к Зеркалу Добра и Зла, внезапно раздался треск — «крак», «крак». Старейшина Цинши, нахмурившись, немедленно скомандовал:

— Отпусти!

Шэнь Чжи среагировал быстро. Он убрал руку, как только прозвучал приказ, но не успел увернуться от нескольких осколков зеркала, которые порезали ему ладонь. Тотчас выступили алые капли крови.

Старейшина Цинши взмахнул рукавом, сбивая летящие на него осколки, и лишь затем повернулся к Шэнь Чжи. Его взгляд был ледяным:

— Что случилось?

Шэнь Чжи другой, нераненой рукой зажимал рану. Услышав вопрос, он прищурился:

— А вы на что смотрите, старейшина? Ваше Зеркало Добра и Зла оказалось хлипче тех старых книжонок, что я покупал на улице в Юйчжоу. Вы меня в этом вините?

Старейшина Цинши сверкнул на него глазами:

— Зеркало Добра и Зла — священный артефакт! До тебя такого никогда не случилось!

Шэнь Чжи холодно усмехнулся. Он выпрямился, опуская окровавленную руку:

— Ха! Если старейшина не хочет, чтобы я вступал в Горный Удел, мог бы сказать прямо. Зачем искать такой предлог?

Старейшина Цинши на мгновение опешил, а затем пришёл в ярость:

— Что ты имеешь в виду?

Будучи когда-то человеком, который выводил из себя своего учителя, Шэнь Чжи слишком хорошо знал его характер. Этот человек был педантичен в делах и больше всего боялся, когда ставят под сомнение его моральные качества. Поэтому он намеренно сказал:

— Зеркало Добра и Зла до меня никогда не давало сбоев. Но я ведь даже Основу не заложил. Даже с высшим корнем, откуда у меня силы повредить священный артефакт? — Он сделал паузу, давая присутствующим достаточно времени для размышлений, и продолжил: — Боюсь, не иначе как... старейшина, вы... потому что я только что обидел Небожителя Тёмной Чешуи, я вам не по нраву, и вы нарочно чините мне препятствия!

Как только эти слова прозвучали, внизу у ступеней поднялся гул голосов. Люди, казалось, прозрели. Не будучи знакомы со старейшиной Цинши, видя, как он всё время хмурится на Шэнь Чжи, они решили, что тот и впрямь его невзлюбил. А теперь Шэнь Чжи дал этому своё толкование, и мысли толпы потекли в нужном ему русле.

— Неудивительно...

— Это уж слишком! Обижают простого человека!

— Из-за Небожителя Тёмной Чешуи??? Однако этот старейшина и впрямь очень уж защищал того Небожителя.

— Неужели он прибегает к таким подлым трюкам? Это вообще старейшина Четырёхпейзажной школы?

— Ведь это же высший корень! Неужели Четырёхпейзажная школа им не дорожит?

Слушая непрекращающиеся пересуды внизу, лицо старейшины Цинши становилось всё зеленее.

Видя такое положение дел и опасаясь беспорядков, Фу Цин поспешил вмешаться. Обращаясь к старейшине Цинши, он сказал:

— Учитель, этот господин Шэнь Лан обладает высшим духовным корнем. Возможно, духовная сила его корня была чрезмерно сильна, и Зеркало Добра и Зла не выдержало. Не нужно ли

заменить зеркало?

Услышав это, Шэнь Чжи улыбнулся уголками глаз.

Заменить? Конечно. Сколько ни меняй, все разобью.

К счастью, старейшина Цинши был в ярости и, услышав это, рявкнул:

— Что менять?! Все зеркала одинаковы! Это не выдержало — другое выдержит?

Фу Цин, напуганный его криком, не посмел ничего сказать и мог только беспрерывно кивать.

Выкрикнув это, старейшина Цинши наконец почувствовал некоторое облегчение. Помолчав мгновение, он покачал головой и, указав на Шэнь Чжи, сказал:

— Ладно, ладно. Забирайте его.

Фу Цин опешил, а затем, обрадованный, что миновала беда, с воодушевлением подошёл к Шэнь Чжи и сказал:

— Поздравляю, господин Шэнь! Отныне вы ученик Горного Удела. Прошу вас пока пройти в гостевой зал и отдохнуть. Позже состоится церемония принятия учеников...

Не дожидаясь, пока он закончит, Шэнь Чжи сказал:

— Хорошо. — И, решительно развернувшись, спустился по каменным ступеням. Фу Цин долго смотрел ему вслед. Такой гордый новый ученик был поистине невиданным.

Едва Шэнь Чжи спустился с лестницы, как подошёл какой-то монах, чтобы проводить его в гостевой зал. Когда они обходили коридор, монах внезапно остановился и, поклонившись, произнёс:

— Старшая сестра Цзян.

Шэнь Чжи поднял глаза. Неподальёку в коридоре стояла женщина-монах в голубом платье, поверх которого была накинута зелёная дымка. На поясе у неё висел меч. Светлые, как вода, очи и чистое лицо — кем же ещё это могло быть, как не Цзяннаньюй?

Даже спустя десять лет внешность Цзяннаньюй оставалась такой же, как у шестнадцатилетней девушки. Она слегка кивнула в ответ на приветствие и, не глядя по сторонам, пошла своей дорогой.

Хотя он и слышал книжонки о ней и о себе, Шэнь Чжи не интересовали его запутанные отношения с этой красавицей. Он зевнул и собрался идти дальше, но сопровождавший его монах оказался болтлив. Возможно, посчитав Шэнь Чжи слишком молодым, он без стеснения заговорил на ходу:

— Это старшая сестра из Водного Удела, зовут Цзяннаньюй. Она самая искусная в совершенствовании среди женщин-монахинь. Говорят, она уже на средней стадии Золотого Ядра.

Шэнь Чжи равнодушно ответил:

— О.

— Хи-хи, не подумай чего, младший брат. Сейчас ты, возможно, считаешь середину Золотого Ядра ерундой, но когда сам начнёшь совершенствоваться, поймёшь, как это непросто. — Договорив до этого места, монах почему-то вздохнул и лишь спустя мгновение продолжил: — Такая искусная красавица. Если бы с ней заняться парным совершенствованием, неизвестно, насколько можно было бы продвинуться. Вот только, слышал я, наша старшая сестра практикует Путь Бесстрастия.

Шэнь Чжи вдруг вскинул брови:

— Путь Бесстрастия?

— Да! — Монах изобразил глубокую скорбь. — И всё из-за того Шэнь Даохэна!

Шэнь Чжи: «...»

— Говорят, это он разбил сердце старшей сестры, из-за чего она разочаровалась во всех мужчинах на свете и пошла по Пути Бесстрастия.

Шэнь Чжи холодно смотрел на этого младшего, который поливал его грязью, называя «бессердечным и любящим новизну». Он и так надеялся по кусочкам восстановить свои утраченные воспоминания и узнать, что же за злодейства он творил, но, как назло, всё, что он узнавал, всё, что ему навязывали, были лишь разнообразные любовные долги.

Он слушал болтовню монаха всю дорогу до гостевого зала, и только там его уши наконец-то отдохнули.

Монах налил ему чаю и ушёл по своим делам. От нечего делать Шэнь Чжи, попивая чай, уставился на картину, висящую в центре гостевого зала. На ней был изображён дракон, парящий в небе. Всё его тело было серебристо-белым, а рога отливали бледно-голубым и были на удивление прозрачными. Под драконом стояли, образовав круг, крошечные человечки с

факелами в руках. Рядом с картиной малой печатью было написано: «Истинный дракон нисходит на землю, чтобы спасти народ от огня и воды».

Шэнь Чжи, в сущности, не разбирался в живописи, но в юности любил казаться утончённым.

Он попал в Четырёхпейзажную школу в двенадцать лет. До этого он, вместе со своей помешавшейся матерью, скитался по улицам и переулкам, усвоив хулиганские замашки. Грамоте он был не обучен, но бивал многих грамотеев, считая учение бесполезным. Однако, оказавшись в школе благодаря Ли Хуайфэну, он часто подвергался насмешкам со стороны братьев-учеников за незнание Четверокнижия и Пятикнижия, игры на цине, шахмат, каллиграфии и живописи.

При Ли Хуайфэне он не хотел ввязываться в неприятности. Поэтому ему приходилось тайком пробираться в Книгохранилище, чтобы хоть как-то изучить смысл стихов, а затем, при случае, вставлять пару фраз перед соучениками, показывая, что он не совсем безграмотен.

Но потом ему это показалось совершенно бессмысленным.

Это его утомляло. А то, что утомляло, он делать не хотел.

Он отвёл взгляд от картины. Выражение его лица стало отсутствующим, необычайно спокойным.

Вскоре в гостевой зал начали один за другим приходить люди. Изначально тихий зал вдруг наполнился гомоном, словно туда влетела стая воробьёв. Шэнь Чжи, прикрыв глаза, отдыхал, как вдруг рядом с ним раздался голос какого-то юноши:

— Эй, вы знаете? Цзо Сянь, кажется, не прошёл испытание Зеркалом Добра и Зла.

— Ха-ха, он столько злых дел творил, как бы он мог пройти через Зеркало?

— Небесное воздаяние не минует...

<http://bllate.org/book/18833/1833675>